

А. А. Маковский¹, И. В. Суслов²

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ФОРМИРОВАНИЯ МАКРОИДЕНТИЧНОСТИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН)¹**

¹ Псковский государственный университет, Псков, Россия

² Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Поступила в редакцию 17.11.2025 г.

Принята к публикации 19.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9

Для цитирования: *Маковский А. А., Суслов И. В.* Политические и цифровые технологии формирования макроидентичности на постсоветском пространстве (на примере прибалтийских стран) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 123 – 139. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9.

Исследованы инструменты формирования постсоветской макроидентичности в государствах Прибалтики (Латвии, Литве, Эстонии). Макроидентификация определяется в узком смысле как политическая технология цивилизационной переориентации стран, предполагающая разрыв исторических и культурных связей с большой Россией и формирование новых связей с западным миром. Предлагается теоретическая интеграция концепций макрополитической идентичности (О.Ю. Малинова), гибридной идентичности и цивилизационной парадигмы (подхода). Методологическую основу исследования составляет конструктивистский подход к феномену идентичности. Анализ политики трансформации исторической памяти в Прибалтике основывается на данных серии фокус-групп, проведенной в Псковской области на базе АНО «Центр содействия переселению “Соотечественник”». Качественный контент-анализ ведущих медиа прибалтийских стран позволил получить эмпирический материал, необходимый для проверки гипотезы о формировании макроидентичности через продвижение медиасимволов и смысловых нарративов. В работе выявлены ключевые новые факторы, влияющие на формирование макроидентичности, включая ориентацию на новые геополитические тренды, популяризацию независимых социальных сетей, восприятие западного мира как прогрессивного. По итогам исследования макроидентификация концептуализируется как политический инструмент перехода государств из одной цивилизационной парадигмы в другую, выполняющий функцию трансформации крупных цивилизационных образований. На примере прибалтийских стран можно видеть переход из советской в западную цивилизационную парадигму, а также трансформацию символических практик, нормативных установок и внешнеполитического курса.

Ключевые слова: прибалтийские страны, макроидентичность, технологии конструирования идентичности, историческая память

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема: «Традиционные ценности, герои, праздники в современном цифровом пространстве: медиа-образы как ресурсы укрепления гражданской идентичности и противодействия ложной идентичности (1025022800147-0)»).

Введение

Плюральность траекторий становления и эволюции макрополитических идентичностей в государствах, возникших в результате распада СССР, выступает одной из важных исследовательских констант как в отечественной, так и в зарубежной гуманитарной и социально-политической мысли [9; 13; 19; 27; 30; 33]. Актуализация данной проблематики коррелирует с фазами интенсификации политических противоречий и конфликтов на постсоветском пространстве.

В отличие от политической идентификации, связанной с политико-идеологическими (например, партийными) ориентациями субъекта [17, с. 54], категория «идентификация с макрополитическим сообществом», введенная О. Ю. Малиновой, охватывает весь спектр способов соотнесения личности с сообществом, которое ассоциируется с государством [10, с. 90], и формируется через ощущение гражданской солидарности и идентификацию с институтами и структурами конкретного государства. Таким образом, идентификацию с макрополитическим сообществом можно понимать как усвоение норм, правил и ценностей, которые воспринимаются обществом как общие и объединяющие на уровне национального государства, а также обеспечивающие чувство сопричастности, не зависящее от политических предпочтений или идеологических границ. В. В. Титов отмечает, что понятия «национально-государственная идентичность» и «макрополитическая идентичность» во многом совпадают по своему содержанию, однако вторая охватывает более широкий концептуальный уровень, выступая своего рода рамочной категорией (или зонтичным термином) [21, с. 599].

Структура макрополитического сообщества усложняется в случае широкого распространения гибридной идентичности. Под гибридной идентичностью Ю. Г. Волков и В. И. Курбатов предлагают понимать принадлежность индивида к двум или более культурным пространствам в результате смешения традиций, верований, культурных обычаев, языков и социальных практик [3]. Дрейф советской идентичности в сторону ее гибридизации с западной цивилизацией, начавшийся с распадом СССР, в Прибалтийских странах происходил наиболее интенсивно.

За тридцатилетний период в Прибалтийских странах были апробированы практики формирования новой макрополитической идентичности. Технологии макрополитической консолидации обладали цивилизационно-региональной спецификой, а опыт их применения оказался крайне противоречивым и дискуссионным.

Исследовательский вопрос заключается в определении инструментов и технологий политической макроидентификации в постсоветской Прибалтике, направленной на цивилизационную переориентацию региона с обязательным разрывом исторических и культурных связей с Российской Федерацией. Полученные теоретические результаты позволят повысить уровень понимания внутриполитических процессов в ряде других постсоветских регионов, где также нарастает цивилизационная конфронтация под воздействием внешнеполитических акторов.

В статье предполагается уделить внимание не только новым (цифровым) инструментам формирования макрополитической идентичности в Прибалтике, но и проследить историческую последовательность (или, другими словами, эволюцию) политических технологий перехода от советской к западной цивилизационной идентичности. Новизна исследования заключается в рассмотрении макрополитической идентификации именно как политической технологии цивилизационной трансформации, способствующей вовсе не формированию национальной суверенности (как это декларируется прибалтийскими властями), а утверждению приверженности миру западной цивилизации. Следовательно, цель исследования заключается в концептуализации макроидентификации в странах Прибалтики как политической технологии цивилизационной трансформации из советской солидарности в западную цивилизационную парадигму.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составил конструктивистский подход [1] к анализу идентичности (в том числе к макрополитической). В рамках данного подхода идентичность представляется как результат динамической и реляционной, то есть детерминированной конкретными социокультурными и историческими контекстами, практики идентификации. Тем самым отрицается существование навсегда заданной идентичности и утверждается факт ее постоянной реконфигурации в процессе социального взаимодействия и дискурсивного производства коллективных смыслов. При этом, несмотря на невозможность произвольного «изобретения» идентичности [31, р. 49], определенные институциональные стратегии, а также символически насыщенные практики, ритуалы и публичные мероприятия способны оказывать значительное воздействие на траектории формирования и артикуляции коллективных идентификаций. Прошлое приобретает характер практического ресурса и используется при реализации политики памяти, предлагающей реализацию дискурсивных технологий социального конструирования [35] своеобразной «автобиографии сообщества» [29], а значит и групповой принадлежности.

В сборнике англоязычных исследований постсоветских идентичностей под редакцией М. Бассина и К. Келли [24] способы обращения общества с «трудным прошлым» (осмысленная проработка или, напротив, стремление к вытеснению) связываются с уровнем демократизации и формирования гражданской идентичности, а также утверждается, что переосмысление травматических элементов исторического опыта обязательно для формирования полноценной гражданской идентичности.

С начала 1990-х гг. конструирование идентичности на постсоветском пространстве осуществляется с помощью официального закрепления определенной интерпретации исторических событий и процессов (политика памяти), утверждения пантеона национальных героев и

символических фигур, установления / демонтажа памятников (символическая политика) [15]. В данной логике макрополитическую идентификацию следует рассматривать как форму политико-идеологической практики, обладающей инструментальной функцией легитимации властных структур.

Эмпирические данные об инструментах и технологиях формирования макрополитической идентичности были получены благодаря контент-анализу медиа стран Прибалтики (2024 г., январь — июнь 2025 г.).

Для анализа были выбраны наиболее популярные СМИ в Прибалтийских странах, в частности *Delfi* — крупнейшее новостное интернет-издание; в Латвии — один из крупнейших информационно-развлекательных порталов *TVNET*; в Литве — общенациональный информационный портал *Lrytas. lt*, а также посвященный политике, экономике, финансам, инвестициям, промышленности и технологиям портал *Ver-slo žinios*; в Эстонии — еженедельная газета *Maaleht*, а также портал *Postimees*.

Серия из трех фокус-групп с переселенцами из Эстонии, Латвии, Литвы была проведена в Псковской области 3 июля 2025 г. на базе АНО «Центр содействия переселению «Соотечественник»». В результате были получены эмпирические данные об отношении в прибалтийских странах к русскому языку, Великой Отечественной войне, о популяризации новых праздников, героев, традиций, роли новых медиа в государственной пропаганде.

Методология настоящего исследования базируется на конструктивистском подходе к анализу макрополитической идентичности, утверждающем необходимость изучения конкретных социокультурных и исторических практик идентификации с помощью эмпирического инструментария. В материалах фокус-групп содержатся данные, позволяющие судить об историческом контексте опыта формирования макрополитической идентичности в Прибалтийских странах. Качественный контент-анализ информационного пространства позволяет определить технологии продвижения «новой» идентичности через новые медиа.

Научное обсуждение проблематики построения идентичности в Прибалтийских странах и результаты фокус-групп

Изучение постсоветской макрополитической идентичности Прибалтийских стран предполагает обращение к концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций. Исследователь выделял несколько крупных цивилизаций, основанных на культурно-религиозных различиях: западную, православную, исламскую, конфуцианскую, японскую, индуистскую, латиноамериканскую и (в перспективе) африканскую. По его мнению, в XXI в. основным источником конфликтов станут противоречия между этими цивилизациями, а не идеологические или экономические разногласия. В 1993 г. в своей статье, а позже в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» [23] он раз-

вил идею о том, что к православной цивилизации относятся государства, исторически и культурно сформировавшиеся на основе восточного христианства. К таким странам можно отнести прежде всего Россию, Беларусь, Украину, Сербию, Болгарию. При этом Молдова рассматривается как страна на цивилизационном разломе между православным и западным (латинским) мирами. В отношении стран Балтии отмечается, что, несмотря на их советское прошлое, они принадлежат к западной цивилизации — с протестантскими и католическими традициями, ориентацией на Европу и быстрой интеграцией в западные структуры после распада СССР.

Процесс формирования макрополитической идентичности в странах Балтии представляет собой показательный пример столкновения западной и православной цивилизаций и цивилизационной трансформации. Латвия, Литва и Эстония, утратившие в 1940 г. государственный суверенитет и восстановившие его в начале 1990-х гг., выработали, мягко говоря, специфические модели макрополитической идентификации. Страны Балтии переосмысливают свое советское прошлое, создают новые национальные образы и исторические нарративы, зачастую искажая или переписывая факты с целью укрепления своей национальной идентичности [34].

Отметим, что важным направлением в исследованиях макрополитической идентификации в Прибалтийских странах является проблематика гражданско-правового статуса русскоязычного населения. В Латвии отправной точкой формирования макрополитической идентичности послужил Закон о гражданстве 1994 г., закрепивший принцип правопреемства с довоенной республикой и установивший статус «неграждан» для лиц, не имевших гражданства Латвии до 1940 г., и их потомков. П.В. Гордиенко определяет этот закон как институционализированный механизм этнополитической фильтрации, формирующий замкнутое ядро политического сообщества и одновременно выстраивающий границу идентификации [5, с. 84]. Аналогичные процессы анализирует Д. Грубер применительно к Эстонии, чей Закон о гражданстве 1992 г. также восстановил правовой континуитет с довоенной республикой и создал феномен «серых паспортов», что закрепило статус русскоязычного населения как «внутреннего чужого» [6, с. 171]. Е.Е. Уразбаев интерпретирует законодательные новеллы Латвии и Эстонии как процесс институционализации этнонационализма [22, с. 149], который может быть определен как базовый механизм макрополитической идентификации в прибалтийском регионе.

Не менее важным измерением макрополитической идентификации, как показано в исследовании А.С. Манаева, является языковая политика [11]. В Латвии в 1998 г. был принят Закон о государственном языке, закрепивший латышский как единственный государственный язык и установивший строгие требования к его использованию в публичной и образовательной сферах. В Эстонии аналогичную функцию выполняет Закон о языке от 2011 г., который пришел на смену закону 1995 г. В Литве языковой вопрос имел менее острый характер благодаря

инклюзивной модели гражданства (закон 1991 г. с последующими поправками), которая предоставила статус граждан всем проживающим на момент распада СССР жителям республики. Однако образовательная политика и Закон о государственном языке 1995 г. также закрепили статус литовского как единственного носителя легитимной идентичности в публичной сфере.

Особое внимание в российских исследованиях уделяется политике памяти и декоммунизации. В. А. Смирнов анализирует роль политических элит в институционализации исторических нарративов, показывая, что дискурс «советской оккупации» в странах Балтии стал фундаментом легитимации современной государственности и макрополитического «мы» [18, с. 83]. Я. А. Потоцкий рассматривает законы о декоммунизации как элемент формирования национальной мифологии, фиксируя их роль в создании «разрыва» с советским прошлым и артикуляции альтернативного исторического континуума [14]. Исследование М. С. Павловой, посвященное сохранению советского мемориального наследия в Литве [12], позволяет идентифицировать попытки уничтожения материальных следов (памятников) советского периода как акты символической реконфигурации макрополитической «анти-советской» идентичности.

В исследовании А. Н. Сытина отмечается, что заявленная цель гражданской интеграции в Латвии и Эстонии реализуется через практики, закрепляющие дискриминационную асимметрию правового и культурного участия русскоязычного населения в жизни прибалтийских стран [20]. В. В. Комлева, анализируя эстонский кейс, вводит понятие «расколотого доверия» и показывает, как институциональные механизмы взаимодействия с русскоязычным населением препятствуют формированию общегражданской солидарности [8, с. 140].

Таким образом, процесс конструирования макрополитической идентичности в странах Балтии носит селективно-эксклюзивный характер: значительная часть населения помещена в лиминальный статус «внутреннего чужого». Языковое законодательство и образовательные реформы усилили эту асимметрию, превратив владение государственным языком в критерий доступа к макрополитическому сообществу. Политика памяти и декоммунизация завершили формирование идентификационной рамки, конструирующей коллективное «мы» через исключение «неподходящих» просоветских / пророссийских нарративов, культурных кодов и соответствующих им социальных групп. Макрополитическая идентификация в Прибалтийских странах предполагает фильтрацию и нормативное «отсечение» в логике этноцентричной модели государственности, что ставит под вопрос ее способность к формированию инклюзивного политического пространства.

Исследователи определяют криминализацию исторической символики, в частности советской, в странах Балтии как политическую технологию формирования идентичности [16, с. 9]. Отмечается, что политика памяти в Балтии направлена на формирование идентичности и внешнеполитическое позиционирование. В научном дискурсе также встречается формулировка «битва идентичностей» [32, р. 45–53].

Безусловно, культура памяти в странах Балтии после распада СССР формируется как механизм политической легитимации независимости и закрепления европейского вектора развития. Центральное место в этом процессе занимает трактовка советского периода как оккупационного. Победа СССР в Великой Отечественной войне рассматривается не как освобождение от нацистского господства, а как начало нового периода угнетения, что позволяет проводить образовательную, языковую, культурную политику по отделению от советского прошлого и современной России.

Государственная политика памяти реализуется через законы, институционализирующие определенный взгляд на историю. В странах Балтии создаются музеи «оккупации», придается официальный статус датам депортаций и массовых репрессий, осуществляется демонтаж памятников Красной армии. Параллельно в образовательной и медийной сферах формируется новая историческая перспектива, определяющая борцов с советским режимом, депортированных, диссидентов и представителей национального сопротивления как центральных фигур прошлого (см.: [7]).

Эмпирический материал, полученный во время проведения фокус-групп, позволяет выстроить хронологию эволюции политических технологий формирования макрополитической идентичности в Прибалтийских странах (рис.).

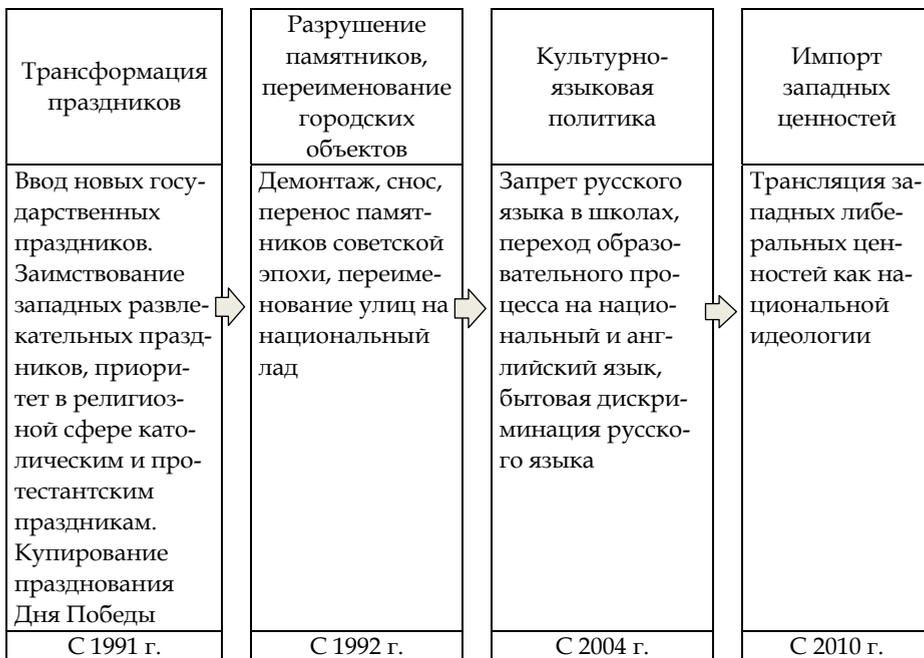

Рис. Хронология формирования макроидентичности в Прибалтийских странах

Респонденты отметили, что первым инструментом государственной политики построения макрополитической идентичности стало утверждение новых национальных праздников. Так, Литва первой из стран Балтии закрепила в 1991 г. День восстановления независимости (11 марта), а затем День государства (6 июля) как ключевые даты национального календаря. Латвия последовала за ней, установив в качестве главного государственного праздника 4 мая (День восстановления независимости Латвийской Республики). В начале 2000-х гг. эти даты стали центром официальной политики памяти, постепенно вытеснив празднование 9 мая (День Победы). В 2009 г. Литва официально запретила использование советской символики на публичных мероприятиях. Латвия пошла по пути репрессивных административных мер: с 2010-х гг. участие в шествиях 9 мая наказывается штрафами. В Эстонии День независимости отмечается 24 февраля.

Вторым инструментом государственной политики построения макрополитической идентичности, с точки зрения респондентов, оказываются идеологические переосмысления городского пространства. С середины 1990-х гг. в Латвии началась политика топонимической деконмунизации: улицы Ленина, Дзержинского, Комсомольская переименовывались в Бриубас (Свободы), Райня, Базницас. В центре Риги Памятник Свободы стал главным ритуальным символом, рядом с которым с конца 1990-х гг. проходят государственные шествия, включая марш легионеров Ваффен-СС (в День памяти латышских легионеров 16 марта), который ежегодно вызывает международные споры. В Литве процессы переосмысления городской символики активизировались в 2000-е гг. в связи с переносом или ликвидацией советских монументов. В это же время политика переноса советских памятников и монументов из центра города на окраины активно реализуется и в Эстонии. Респонденты также отмечали в странах Прибалтики практики демонтажа советских памятников и скопление их в одном месте, формирующее своеобразный «музей-кладбище» истории СССР.

Особое значение респондентами придавалось культурно-языковой политике и лингвистической ассимиляции русскоязычного населения. С вступлением в ЕС (2004) Латвия, Литва и Эстония активизировали политику языковой гомогенизации. В Латвии с 2006 г. началась реформа образовательной системы, предусматривающая постепенный перевод русских школ на латышский язык. К 2023 г. либо русские школы оказались ликвидированы, либо преподавание в них полностью переведено на латышский язык. Русскоязычные учителя массово увольнялись, а использование русского языка в публичном пространстве влекло за собой административную ответственность. В Литве с 2010-х гг. обслуживание в магазинах и кафе официально осуществляется исключительно на литовском языке. Школы с русским, польским и белорусским языком обучения постепенно становятся билингвальными, но с полным доминированием литовского языка в учебных материалах. Владение латышским или литовским становится обязательным для трудо-

устройства в государственном и частном секторах. Респонденты отмечают популяризацию английского языка и высокий уровень владения им среди местного населения. Респонденты из Латвии указали, что среди столичной молодежи есть особая мода общения на английском языке, при этом национальный язык воспринимается как моветон.

Респондентами был зафиксирован с 2010 г. «импорт» западных ценностей как элемента европейской идентичности. В рамках интеграции в ЕС страны Балтии начали активно перенимать западные культурные практики. С 2010-х гг. в Риге и Вильнюсе ежегодно проходят гей-парады, которые воспринимаются как символ европейской идентичности и цивилизационного выбора. Пропагандируется наличие 72 гендеров и возможность ребенка самому выбирать себе гендер. Одновременно активно стали отмечаться такие западные праздники, как День святого Патрика.

Таким образом, мы констатируем наличие двух тенденций. Во-первых, в научном сообществе в рамках построения макрополитической идентичности Прибалтийских стран особый акцент делается на политике памяти — официальном курсе властей, направленном на конструирование «правильного» восприятия прошлого, от которого зависит национальное ощущение своего места в мире. Во-вторых, респонденты в бытовом плане обратили внимание на значимость языковой и ценностной политики для формирования макрополитической идентичности. Особо отмечалось несогласие русскоязычного населения с гендерным воспитанием в европейских странах и популяризацией нетрадиционных ценностей.

Цифровизация как новый фактор формирования макроидентичности в Прибалтийских странах

В условиях радикальной медиатизации политической и социальной реальности исследование процессов макрополитической идентификации невозможно без системного анализа цифрового пространства как особого уровня конструирования коллективных идентичностей. Цифровая эпоха трансформировала каналы коммуникации и саму логику воспроизводства макрополитического «мы», сместив центр тяжести идентификационных практик в сферу сетевых медиа.

Современные теоретические подходы подчеркивают, что цифровая среда становится автономной ареной формирования политических идентичностей, обладающей собственной динамикой и механизмами легитимации [25; 26]. Для макрополитической идентификации это означает перевод процессов интернализации норм и ценностей, обеспечивающих консолидацию политического сообщества в сетевых, гибридных структурах и создающих границы «мы» и «они» в ходе дискурсивных конфликтов, меметических практик и алгоритмически детерминированного распространения контента.

Постсоветский контекст демонстрирует эту динамику особенно наглядно. В странах Балтии цифровое пространство является ключе-

вым полем борьбы мемори-нарративов и национальной идентичности. В частности, Telegram-каналы могут быть определены как каналы репродукции постсоветской идентичности в противофазе официальной политике интеграции [2, с. 144]. Г. Гиздатов на материале социальных медиа демонстрирует, как государственные нарративы макрополитической идентичности конкурируют с альтернативными сетевыми дискурсами [4, с. 130].

Цифровое пространство радикально меняет характер идентификационной борьбы. Если ранее гегемония макрополитической идентичности поддерживалась через централизованные каналы массовой коммуникации, то в платформенной среде постсовременности идентификационные конструкции существуют в режиме перманентной реконфигурации. Алгоритмы социальных медиа, ориентированные на максимизацию вовлеченности, создают эффекты «эхо-камер» и сегментации аудитории, вследствие чего макрополитическая идентичность приобретает сетевой, фрагментированный характер [28].

Методологические последствия этой трансформации очевидны: любая аналитическая модель макрополитической идентификации, игнорирующая сетевую и цифровую компоненты, оказывается неполной. Анализ онлайн-дискурсов, меметических структур, алгоритмического ранжирования и сетевых сообществ позволяет выявить новые каналы воспроизводства идентичности, а также механизмы ее дестабилизации и реконфигурации в реальном времени.

Следовательно, в современной политико-социальной теории макрополитическая идентификация должна рассматриваться как многоуровневый процесс, в котором цифровое пространство функционирует одновременно как 1) медиатор, 2) арена дискурсивной борьбы и 3) автономный производитель новых идентификационных форм. В постсоветских обществах именно цифровая среда становится главным каналом для конструирования альтернативных моделей коллективного «мы» и для оспаривания официальных идентификационных стратегий государств (табл.).

Контент-анализ социальных сетей ведущих СМИ Прибалтийских стран (2024 – 2025)

Смысловая единица	Эстония Maaleht, Delfi, Postimees			Латвия Delfi, TVNET			Литва Delfi.lt, Lrytas.lt, Verslo žinios		
	I ¹ (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)
Свобода и независимость	Vabadus / Свобода (980) ²			Brīvība / Свобода (1280)			Pasipriešinimas / Сопротивление (310)		
	302	321	357	443	398	439	99	150	61

¹ Римскими цифрами отмечены полугодия.

² В скобках указывается общее количество.

Окончание табл.

Смысловая единица	Эстония Maaleht, Delfi, Postimees			Латвия Delfi, TVNET			Литва Delfi.lt, Lrytas.lt, Verslo žinios		
	I (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)
Советская оккупация	Mälestus repressioonidest / Память о репрессиях (1150)			Okupācija / Оккупация (1120)			Okupācija ir išlaisvinimas / Оккупация и освобождение (1251)		
	380	402	368	309	361	450	420	451	380
Национальные ценности	Eesti väärtused / Эстонские ценности (110)			Tautas vērtības / Народные ценности (420)			Lietuviškas paveldas / Литовское наследие (240)		
	35	21	54	101	172	147	78	94	68
Часть Европы	Lääne väärtused / Западные ценности (1010)			Eiropas Latvija / Европейская Латвия (130)			Europietiškumas / Европейская идентичность (950)		
	301	313	396	29	55	46	320	298	332
Основные угрозы	Oht Venemaalt / Угроза из России (1270)			Krievijas apdraudējums / Российская угроза (912)			Rusijos propaganda / Российская пропаганда (909)		
	405	451	414	299	317	296	253	331	325

133

В медиапространстве Латвии в 2024–2025 гг. ключевыми риторическими конструкциями и медиаархивами, формирующими национальную идентичность, выступают концепты «Свобода», «Европейская Латвия» (Eiropas Latvija), «Народные ценности» и «Российская угроза».

Концепт «Свобода» применяется в отношении как исторических событий 1918 и 1990 гг., так и современных политических процессов, акцентируя преемственность независимой латвийской государственности и право на самоопределение. Особое место в медиадискурсе занимают публикации, посвященные 4 мая (День восстановления независимости) и 18 ноября (День провозглашения независимости). В социальных сетях Facebook², X/Twitter и Telegram эти даты сопровождаются визуалами с национальными флагами, обращениями политических лидеров и репортажами о массовых акциях. Праздник Лиго (23–24 июня), включающий образы костров, венков и традиционного фольклора, транслируется как символ этнокультурного единства.

Важным элементом латвийского медиаполя остается 16 марта – День легионеров, который носит конфликтный характер в коллективной памяти. Официальные СМИ избегают прямой героизации участ-

¹ Римскими цифрами отмечены полугодия.

² Интернет-ресурс принадлежит корпорации Meta Platforms, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в России.

ников, однако публикуют материалы с обращениями властей о недопустимости радикальных суждений и действий, а также отражают общественные дискуссии по данной теме.

Ярлык «Оккупация» служит инструментом делегитимации советского исторического нарратива (1940–1991) и активно используется в освещении вопросов демонтажа памятников, изменения памятных дат и реформирования образовательной политики. Одновременно в ведущих СМИ укрепляется концепт «Европейская Латвия», символизирующий интеграцию в ЕС и НАТО, особенно в контексте празднования Дня Европы (8 мая), а также в риторике энергетической независимости. Европейская идентичность противопоставляется «восточной», «советской» и «российской».

134

Понятие «Народные ценности» закрепляется в материалах о фольклорных праздниках, национальной кухне и языке, подчеркивая приоритет латышского языка и культурного суверенитета. При этом в медиа прослеживается сочетание локальных символов (традиционные блюда, национальный костюм, архитектура старины) с элементами западных культурных кодов.

Ярлык «Российская угроза» используется в материалах о военной и кибербезопасности, дезинформации о событиях 9 мая и любых связях с Россией. Он обладает выраженной эмоциональной окраской, ассоциируясь с угрозой суверенитету и деструктивным внешним влиянием. Визуально национальная идентичность закрепляется через образы флагов, героических фигур (лесные братья, легионеры, молодежь), а также символические отсылки к исторической акции «Балтийский путь», репрезентирующей идею регионального единства.

В **медиадискурсе Литвы в 2024–2025 гг.** доминируют риторические конструкции, направленные на закрепление историко-политической преемственности и культурного суверенитета. Ключевыми медиа-ярлыками выступают «Сопrotивление», «Оккупация и освобождение», «Европейская идентичность», «Литовское наследие» и «Российская пропаганда».

Концепт «Сопrotивление» служит инструментом героизации борьбы против советской власти, продвигая, прежде всего образ лесных братьев, и активно применяется при освещении ключевых национальных праздников – 16 февраля (День независимости) и 11 марта (День восстановления независимости), а также в комментариях к современным политическим решениям, которые репрезентируются как продолжение исторической линии сопротивления.

Риторическая конструкция «Оккупация и освобождение» обозначает советский период как темную страницу литовской истории, которую удалось перевернуть, восстановив независимость в 1990 г., и подкрепляется визуалами государственных мероприятий, историческими справками и обращениями политических лидеров.

Медиа-ярлык «Европейская идентичность» формирует образ Литвы как «форпоста западной демократии», подчеркивая ориентацию на коллективную безопасность, верховенство права и индивидуальные сво-

боды, и тесно связан с символическим обоснованием отключения от российской энергосистемы ради достижения энергетической независимости.

Концепт «Российская пропаганда» используется для легитимации демонтажа советских памятников, запрета символики и информационной борьбы, выполняя роль инструмента защиты суверенитета через контроль над историческим нарративом.

Категория «Литовское наследие» акцентируется в контексте национальных фестивалей, традиционной кухни, языка и обрядов. Визуальные и мультимедийные материалы с этих мероприятий активно транслируются в YouTube, Facebook¹ и Instagram², популяризируя как традиционную культуру, так и современное литовское искусство (которое демонстрируется, например, в рамках фестивалей или выставок).

В медиадискурсе Эстонии в 2024–2025 гг. доминируют риторические конструкции, связанные с исторической памятью и геополитической безопасностью. Ключевыми медиаярлыками выступают «Свобода», «Угроза из России», «Память о репрессиях» и «Западные ценности».

Риторическая конструкция «Свобода» встречается в информационных материалах, посвященных утверждению параллелей между историческими и современными политическими событиями. Следует отметить, что публикации в преддверии празднования 24 февраля (День независимости) содержат в себе визуальную репрезентацию национальной символики, обращения государственных лидеров и интервью с ветеранами.

Концепт «Угроза из России» имеет широкий спектр применения в эстонском медиапространстве — от военной и кибербезопасности до вопросов, связанных с внутренней политикой и русскоязычным населением, и служит для обоснования усиления контроля, включая запрет на пророссийские массовые акции.

Медиярлык «Западные ценности» позиционирует Эстонию как демократическое открытое государство, противостоящее «восточному авторитаризму», поддерживающее права меньшинств, свободу слова и т. п., и используется при освещении ЛГБТ-прайдов, празднования Дня святого Патрика и подобных акций, связанных с интеграцией западных культурных кодов в общественную жизнь.

Заключение

Постсоветская макроидентификация Прибалтийских стран как политическая технология перевода из советской в западную цивилизационную парадигму представляет собой целенаправленное конструиро-

¹ Интернет-ресурс принадлежит корпорации Meta Platforms, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в России.

² Интернет-ресурс принадлежит корпорации Meta Platforms, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в России.

вание и институционализацию новой гибридной идентичности на основе переосмысления исторической памяти, культурных ценностей и политических ориентиров. Системное изменение символических практик, нормативных установок и внешнеполитического курса направлено на дистанцирование от советского прошлого и России, а также на интеграцию в евроатлантические структуры.

Политическая технология переформатирования макрополитической идентичности в странах Прибалтики включала в себя переход образовательного процесса на национальный и английский язык, бытовое вытеснение русского языка, установление новых государственных праздников, продвижение европейского культурного кода (популяризация праздников), игнорирование и запрет (криминализацию) празднования Дня Победы, демонтаж памятников советской эпохи, переименование улиц. С 2010 г. происходит трансляция западных либеральных ценностей, затрагивающих вопросы семьи, детства, воспитания, образования, гендерной политики как национальной идеологии.

Результаты, полученные в результате эмпирического исследования (фокус-группы и контент-анализ прибалтийского медиaprостранства) подтверждают гипотезу о возрастании значимости цифрового пространства. Так, В 2024–2025 гг. в медиадискурсе стран Балтии устойчиво присутствуют историко-политические и культурные концепты, формирующие постсоветскую макрополитическую идентичность. В Латвии доминируют нарративы независимости, европейской интеграции и обличения советской оккупации; в Литве — сопротивления российской угрозе, исторической справедливости и западных ценностей; в Эстонии — свободы и западной демократической ориентации.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Волков В. В., Воронников В. В., Коллева В. В., Стариков А. Д. Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии: научная дискуссия // Россия и мир: научный диалог. 2021. Т. 1, №2. С. 138–161.
3. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, №2. С. 15–26.
4. Гиздатов Г. Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана // Политическая лингвистика. 2019. №1. С. 127–133.
5. Гордиенко П. В. Проблема «неграждан» в Латвии // Обозреватель. 2008. №7 (222). С. 81–90.
6. Грубер Д. Статус «иностранца»: почему в Эстонии по-прежнему много неграждан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, №1. С. 157–184.
7. Ионов Б. В., Харитоновна Н. И. Проблема фальсификации истории на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2013. №4. С. 110–127.
8. Коллева В. В. Эстония: перспективы консоциональной демократии в обществе расколотого доверия // PolitBook. 2020. №2. С. 123–145.
9. Летяжков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. 2016. Т. 25, №2. С. 144–167.

10. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. №2. С. 90–105.
11. Манаев А.С. Русский язык и законодательство стран Балтии // Обозреватель. 2012. №9 (272). С. 52–60.
12. Павлова М.С. Проблемы сохранения и интерпретации советского мемориального наследия в Литве // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО. 2025. №1. С. 27–36.
13. Подвицнев О. Имперская, постимперская, неоимперская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика / под ред. И.С. Семенов. М., 2017. С. 358–362.
14. Потоцкий Я.А. Законы о декоммунизации в контексте конструирования национальной мифологии в прибалтийских республиках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социология. 2024. №81. С. 262–270.
15. Самаркина И.В. Политика памяти и исторический нарратив // Идентичность: Личность, общество, политика / под ред. И.С. Семенов. М., 2017. С. 666–670.
16. Сафроновас В. Вырываясь из объятий политики. Исследование культур воспоминания как способ поощрения исторического диалога в литовско-российских отношениях // Балтийский регион. 2012. №2(12). С. 7–18.
17. Семенов И.С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир // Политическая идентичность и политика идентичности / под ред. И.С. Семенов. М., 2011. Т. 2. С. 41–71.
18. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. №2 (24). С. 78–97.
19. Сургуладзе В. Национальное самосознание между постимперским синдромом и синдромом жертвы // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. №2. С. 56–74.
20. Сытин А.Н. Политика Латвии и Эстонии в области национальной и межобщинной интеграции // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. №1. С. 41–52.
21. Титов В.В. Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2020. Т. 22, №4. С. 590–602.
22. Уразбаев Е.Е. Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // Власть. 2017. Т. 25, №6. С. 146–152.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2025.
24. *Soviet and Post-Soviet identities* / ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge, 2012.
25. Castells M. *Communication power*. Oxford, 2009.
26. Chadwick A. *The hybrid media system*. Oxford, 2017.
27. Forest B., Johnson J. Monumental politics: regime type and public memory in post-Communist states // *Post-Soviet affairs*. 2011. Vol. 27, №3. P. 269–288.
28. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media*. New Haven, 2018.
29. Leone G., Curigliano G. Coping with collective responsibilities: An explorative study on Italian historical identity through three generations // *Journal of Language and Politics*. 2009. Vol. 8, №2. P. 305–326.
30. Moore D. Is the post- in postcolonial the post- in post-Soviet? Toward a global postcolonial critique // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2006. Vol. 116, №1. P. 111–128.

31. Osiel M. Mass atrocity, collective memory and the law. New Brunswick, 1997.
32. Sagatienė D. Memory laws in the Baltic states. Copenhagen, 2024.
33. Spivak G. C., Condee N., Ram H., Chernetsky V. Are we postcolonial? // Post-Soviet space. 2006. Vol. 121, №3. P. 828–836.
34. Usha K. B., Abdullakutty K. P. Introduction // Nation building in Baltic states. History, memory and identity / ed. by K. B. Usha. New Delhi, 2018. P. 1–23.
35. Van Dijk T. Ideology in cognition and discourse // Mapping ideology in discourse studies / ed. by S. K. Määttä, M. Hall. Berlin, 2022. P. 137–156.

Об авторах

Андрей Андреевич Маковский — канд. полит. наук, доц., Псковский государственный университет, Псков, Россия.
E-mail: aamakovsky@mail.ru

Иван Владимирович Сулов — канд. соц. наук, доц., Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия.
E-mail: suslov85@inbox.ru

A. A. Makovsky¹, I. V. Suslov²

POLITICAL AND DIGITAL TECHNOLOGIES FOR FORMING MACRO-IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE BALTIC STATES)

¹ Pskov State University, Pskov, Russia

² Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Received 17 November 2025

Accepted 19 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9

To cite this article: Makovsky A. A., Suslov I. V. 2026, Political and digital technologies for forming macro-identity in the post-Soviet space (on the example of the Baltic states), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1. P. 123–139. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9.

The study examines the instruments for shaping post-Soviet macro-identity in the Baltic states (Latvia, Lithuania, Estonia). Macro-identification is defined in a narrow sense as a political technology of civilizational reorientation, involving a break with historical and cultural ties to Greater Russia and the formation of new connections with the Western world. The article proposes a theoretical integration of the concepts of macro-political identity (O. Yu. Malinova), hybrid identity, and the civilizational paradigm approach. The methodological framework of the study is based on a constructionist approach to the phenomenon of identity. The analysis of policies for transforming historical memory in the Baltics draws on data from a series of focus groups conducted in the Pskov Region at the Center for Assistance to Resettlement "Compatriot." A qualitative content analysis of leading media in the Baltic countries provided the empirical material necessary to test the hypothesis that macro-identity is shaped through the promotion of media symbols and meaning-laden narratives. The study identifies key new factors influencing the formation of macro-identity, including orientation toward new geopolitical trends, the popularization of independent social networks, and the

perception of the Western world as progressive. Based on the results of the study, macro-identification is conceptualized as a political instrument for transitioning states from one civilizational paradigm to another, performing the function of transforming large civilizational formations. Using the Baltic states as an example, the study demonstrates a transition from the Soviet to the Western civilizational paradigm, along with the transformation of symbolic practices, normative frameworks, and foreign policy orientation.

Keywords: Baltic states, macro-identity, negative identity, identity construction technologies, historical memory

The authors

Dr Andrei A. Makovsky, Associate Professor, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: aamakovsky@mail.ru

Dr Ivan V. Suslov, Associate Professor, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

E-mail: suslov85@inbox.ru